

Т. С. Тайманова

Борис Суварин в Москве: посвящение в советологию¹

Среди тех иностранных наблюдателей, кто оставил потомкам свидетельства о жизни России 1920–30-х гг., бесспорного внимания заслуживает фигура Бориса Суварина (1895–1984). Французский политический деятель, немало времени проведенный в Советской России, стал автором не только многочисленных эссе, статей, мемуаров, но и первой биографии Сталина «Сталин. Очерки истории большевизма» (1935 г.)². Эти работы, написанные на французском языке, до сих пор не переведены и остаются недоступными русскому читателю. Вместе с тем его наследие — уникальное сочетание труда историка, мемуариста и политического публициста — может существенно восполнить пробелы в историографии постреволюционной России.

После Октябрьской революции в молодое советское государство началось настоящее паломничество с Запада. В силу определенных и вполне понятных причин большую часть этих путешественников составляли французы, очарованные «ярким светом с Востока»³, но и они по своему составу были совсем неоднородны. Помимо просто любопытствующих, желавших поглядеть на небывалое чудо — страну рабочих и крестьян, т. е. помимо туристов, в СССР хлынули французские коммунисты из среды рабочих (реже — крестьян), доселе не склонных к путешествиям. Целью их поездок

*Тайманова
Татьяна
Соломоновна,*
доктор
филологических
наук, профессор,
Санкт-Петербургский
государственный
университет
(Санкт-Петербург,
Россия)

была некая «стажировка», т. е. желание «обучиться» революционным действиям у успешных коллег по партии. Другие путешественники, и таких было немало, устремились в Страну Советов, чтобы не только увидеть все своими глазами, но и употребить собственные знания и опыт на благо государства трудящихся. Яркий пример такого путешествия, затянувшегося на 10 лет, — пребывание в СССР Робера Гиенефа, молодого французского коммуниста, авиамеханика, поехавшего работать в СССР в 1923 г. и с трудом сумевшего вернуться в 1933 г. Позднее Гиенеф под псевдонимом Ивон опубликовал две книги, в которых рассказал всю правду об СССР и показал всю полноту собственного прозрения⁴. Большинство таких путешественников, как и Гиенеф, отправлялись в Советскую Россию совершенно не подготовленными с точки зрения знаний в области истории России и российского большевизма. Многие прозревали, как Гиенеф, а позднее — Жид. Некоторые сохраняли нейтралитет, как, например, А. Виоллис. Некоторые, как Панаит Истрати, не могли смириться с разочарованием, и это была настоящая трагедия.

Неоднозначно выглядит позиция В. Бенямина, который при всем своем левом настрое, стремлении принять то, что произошло в России, надежде на рождение новой культуры не мог не увидеть зловещей действительности, проступающей в его «Московском дневнике». При этом критика Советской России из чужих уст для него звучит как клевета. Желание сохранить старую культуру — как предательство идеалов революции⁵.

Что касается Бориса Суварина, героя данного повествования, то его ситуация была совершенно иной. Уезжая в Советскую Россию, Суварин, несмотря на свой возраст (в 1921 г. ему было всего 26 лет), уже обладал немалым опытом активиста социалистической, а затем и коммунистической партии и хорошо знал историю и политическую ситуацию России.

Борис Лифшиц родился 5 ноября 1895 г. в Киеве. В 1897 г. его отец — ювелир эмигрировал с семьей в Париж. В 1906 г. семья получила французское гражданство. С 14 лет Борис работал подмастерьем, почувствовал на себе все тяготы жизни простого рабочего и приобщился к борьбе рабочего класса и социалистическому движению. В эти годы он посещает уличные митинги, где выступает Жорес, который становится его кумиром. Пребывание с юных лет в самой гуще социалистического движения, а также постоянный интерес к России, к ее истории и особенно к тем социальным сдвигам, которые происходили в ней в начале века, сделали из него не только пламенного активиста, но и грамотного и вдумчивого члена социалистической партии. При всем его энтузиазме, однако, в ноябре 1917 г. после прихода к власти большевиков и первых проявлениях нового режима Суварин пронизательно замечает: «Стоит опасаться того, что для Ленина и его друзей “диктатура пролетариата” окажется диктатурой большевиков и их вождя. Это, возможно, станет несчастьем для русского рабочего класса и, как следствие, для мирового пролетариата... Нам желательно согласие между социалистами в вопросе организации стабильной власти, которая действительно была бы властью народа, а не властью одного человека»⁶. Еще раньше, в 1916 г., состоялся первый контакт Суварина с Лениным. Суварину был 21 год, а Ленину — 47. Ленин жил в Цюрихе. В Швейцарию же был изгнан из Франции Троцкий.

И Суварин в журнале *Populaire de Paris*, в котором он тогда работал, выступил со статьей «Нашим друзьям из Швейцарии», где защищал Троцкого. Ленин ответил на эту статью открытым письмом, написанным во второй половине декабря 1916 г. и впервые опубликованным с сокращениями 27 января 1918 г. в газете *La Vérité* (№ 48). Таким образом, Ленин уже тогда считал Суварина достойным полемики.

Острый ум Суварина в сочетании с энтузиазмом и эрудицией позволили ему стать одним из создателей и лидеров французской секции Коммунистического Интернационала, которая до мая 1921 г. называлась социалистической партией, коммунистической она стала позднее.

В июне 1921 г. Суварин отправляется в Москву в качестве делегата на III конгресс Коммунистического Интернационала. По предложению Ленина он был включен в состав секретариата Коминтерна и кооптирован в Исполком и Малое бюро. В Исполком Коминтерна со стороны России входили Ленин, Зиновьев, Бухарин, Троцкий и Радек. Таким образом, Суварин уже по службе общался с самой верхушкой молодой советской власти. При этом он сразу проявил свой антиконформизм. Прибыв в Москву, он первым делом посетил в Бутырской тюрьме заключенных анархистов. Вот как вспоминает об этом сам Суварин: «Мое посещение тюрьмы было беспрецедентным в истории коммунистического интернационала, и оно не прошло незамеченным. В Коминтерне была создана комиссия, призванная обсудить мой поступок, а Бела Кун рассказал о моем визите на заседании политбюро большевистской партии, снабдив рассказ следующим комментарием: “Надо было оставить его в тюрьме”. Ленин ответил, что мое место не в тюрьме, а в Президиуме Интернационала, где рядом с руководителями партии я смогу набраться необходимого опыта; он сказал: “Будучи с нами, он научится...”. С этого дня для меня началось время, которое Гете называл “годами ученичества”. Продолжалось оно три года. В 1924 г. я оказался оппозиционером, или, как говорят сейчас, диссидентом»⁷. Марсель Боди⁸, встретившийся с Сувариним в Москве, рассказывал: «Мы с Виктором Сержем были потрясены зрелостью его мысли и тем влиянием, которое он оказывал на французскую делегацию»⁹, а Серж добавлял: «В любых обстоятельствах он проявлял свой дар полемиста, сея вокруг себя сильное раздражение»¹⁰. О значимости фигуры Суварина не только среди французских коммунистов, но и в политических кругах Советской России свидетельствует, например, тот факт, что на XIII съезде РКП(б) ему, хотя он не являлся членом большевистской партии, было предоставлено слово в защиту Троцкого. Его речь (28 мая 1924 г.), произнесенную на французском языке, переводил А. В. Луначарский, а оппонентом выступил Н. И. Бухарин¹¹.

К сожалению, во время своего пребывания в Москве Суварин не вел дневника. Но поскольку до конца жизни он обладал феноменальной памятью, то те воспоминания и интервью, которые он оставил на склоне лет, больше похожи на дневник, чем на ретроспективные свидетельства.

Из отрывочных воспоминаний Суварина о его жизни в Москве, безусловно, заслуживают внимания описания встреч с Лениным, которые состоялись, по-видимому, в 1921 г. Инициатором первой встречи был сам Владимир Ильич. Секретариат Коминтерна сообщил о желании Ленина встретиться с Сувариним и Ф. Лорио¹². В назначенный день и час к отелю «Люкс», где жили делегаты Коминтерна,

подъехала машина Совнаркома. К удивлению Суварина, их повезли не в Кремль, а за город. Когда они приехали на скромную, по свидетельству Суварина, дачу, их там ждали Ленин, Зиновьев, Бухарин, Радек и Бела Кун. После обмена улыбками и рукопожатиями все уселись за стол на открытом воздухе, и Зиновьев представил слово Ленину. Ленин же обратился к Лорио и самым естественным тоном задал ему вопрос: «Ну что, товарищ Лорио, когда же вы совершите революцию во Франции?»¹³ Бедный Лорио впал в ступор. Он ожидал чего угодно, но не этого и потерял дар речи. Пауза затягивалась. Ленин ждал. Суварин, который до того держался в тени, поскольку Лорио был на 25 лет его старше и имел гораздо больший партийный стаж, почувствовал необходимость вмешаться. Желая выручить Лорио и при этом осторожно дать отпор Ленину, чей резкий вопрос подразумевал упрек французам в неспособности к революционным действиям, Суварин попросил слово и объяснил, что ситуация во Франции, истощенной и обескровленной войной, не благоприятна для революции. После империалистической войны никто не хочет гражданской. Рабочие пытаются поправить свое экономическое положение, все хотят мира и спокойствия. В подкрепление своих слов, как истинный марксист, Суварин привел цитату из переписки Маркса и Энгельса, где после поражения революции 1848 г. Маркс призывал подождать следующего кризиса капитализма, а пока работать. Суварин выдержал экзамен. Русские товарищи многозначительно переглянулись и перешли к следующим вопросам — о партии, прессе, пропаганде, профсоюзах, коммунистической молодежи, коммунистической фракции в парламенте. На эти вопросы Лорио уже отвечал со знанием дела. На обратном пути он поблагодарил Суварина за помощь. Описывая это эпизод, Суварин дает массу мелких бытовых деталей, замечаний, личных воспоминаний. Так, он пишет, что у Лорио после этого эпизода еще больше усилилась неприязнь к Москве, где ему не нравилась еда, а особенно не нравились сигареты. Несколькими штрихами Суварин описывает всю обстановку так, как будто мы смотрим кадры хроники: Бела Кун, не понимающий французскую речь, зевает от скуки, но вынужден держаться, так как он — хозяин дачи, Радек тоже не знает французского, а Бухарин знает его едва и переводит в двух словах Радеку. Разговор ведут Ленин с Зиновьевым.

Спустя полгода, в декабре в Москву в качестве делегата на съезд Исполкома Коминтерна приехал из Парижа рабочий механик Эмиль Бестель. У него была навязчивая идея увидеться лично с Лениным и поговорить с ним. С просьбой устроить встречу он обратился к Суварину. Суварин долго отказывался, говоря, что Ленин очень занят. Приводим цитату: «Знаешь, Ленин — жутко занятый тип. На его плечах вся Россия от Европы до Азии. Да еще внешняя политика... Он занимается всем»¹⁴. Но Бестель настаивал, и Суварин сдался. Он попросил Инну Арманд (дочь Инессы Арманд), работавшую в Коминтерне, которая, как пишет Суварин, жила у Ленина, передать вождю просьбу о встрече с французским рабочим-металлургом.

Чтобы показать, как хорошо Суварин ориентировался в московской ситуации, приведем цитату из его воспоминаний: «Обязательно скажите, что речь идет о рабочем металлурге... Ты идиот! — восклицает Бестель. Зачем ему это говорить? ... Сам ты идиот. Я говорю то, что нужно сказать, чтобы он тебя принял, если повезет»¹⁵. Суварин пишет, что Бестель не мог себе представить, что его профессия может оказаться решающим фактором. Но сам Суварин был уже в Москве более

шести месяцев и многое узнал о Ленине. Он много беседовал с Сафаровым, Шляпниковым, Рязановым, Коллонтай и, конечно, с Пьером Паскалем и знал, что Ленин верит в то, что он говорит, и говорит то, во что верит. Для него рабочий металлург — это представитель пролетариата, избранного судьбой для свершения революции и установления социализма во всем мире. Это не обсуждается, и если факты говорят другое, то это факты врут.

Возможно, Суварин действительно хорошо понимал психологию Ленина. Так или иначе, спустя четверть часа им перезвонили и пригласили в Кремль. Бестель был счастлив. Суварин подробно описал кабинет Ленина, идеальный порядок в котором, возможно, объяснялся немецкими корнями его матери. Ленин вышел посетителям навстречу, пожал руки, пригласил войти и сесть, а затем спросил: «Ну что, товарищ Бестель, когда же вы совершите революцию во Франции?»¹⁶ Улыбка замерла на лице пораженного Бестеля. Но он отреагировал иначе, чем Лорио. Он стал запинаться и мямлить, что это непросто и т. д. На это раз Суварин не вмешивался, и Ленин перевел разговор на другую тему. Суварин иронично замечает: «Ленин хотел увидеть французского пролетария, он его увидел... Бестель хотел поговорить с Лениным, беседа хорошо началась...»¹⁷

Выйдя от Ленина, Бестель раздраженно воскликнул: «Он спрашивает меня, когда мы совершим революцию. Откуда я знаю? Это идиотизм»¹⁸. Суварин попытался объяснить майевтическую манеру Ленина вести беседу и самыми наивными вопросами провоцировать собеседника осмысливать сказанное. При этом Суварин приводит меткое изречение Радека, который назвал Ленина гениальным дураком. Подразумевалось, что Ленин под внешней простотой и кажущейся наивностью проявлял больше прозорливости и проницательности, чем его ученые оппоненты. Суварин пишет, что в своем кругу Ленин считался непогрешимым¹⁹.

С пребыванием в Москве Бестеля связаны еще одно интересное воспоминание Суварина. Бестель был красивым, высоким, хорошо сложенным, чисто выбритым, одетым в великолепный темно-синий костюм и белоснежную рубашку с шелковым галстуком. Он принарядился для поездки в Москву и выглядел как большой начальник (*Président Directeur Général, PDG*), но сам при этом не понимал, какое производит впечатление. Когда Суварин пришел с ним в столовую отеля «Люкс», это была сенсация. Все замерли. «Что делает Суварин с этим Буржуем, тем более в Коминтерне?.. Что это за капиталист?» Суварин с удовольствием предвкушал удивление, которое вызовет его ответ: «Это не капиталист, это рабочий механик из Парижа». «Это рабочий? Вы шутите, товарищ Суварин. За кого вы нас принимаете?»²⁰ Этот эпизод имел не только смешную сторону. Он научил Суварина тому, что одни и те же слова, произнесенные в разных условиях, могут иметь разный смысл и различное социальное содержание, и рассуждения, основанные на предполагаемой схожести определенных терминов, могут оказаться несостоятельными. Суварин приводит рассуждение Вольтера о том, что одни и те же слова приобретают совершенно разное значение с течением времени, и добавляет от себя, что не только в зависимости от времени, но и от стран и народов²¹. Не облакая это в специальную терминологию, Суварин, по сути, говорит об исторической семантике, т. е. ситуации, когда речь идет о значениях и смыслах высказываний, которые «имеют четкую историческую "прописку" и существуют

в познавательном и риторическом горизонте своей эпохи». При их реконструкции необходимо четко различать значения, относящиеся к ситуации создания текста и его последующим прочтениям²².

Пролетарий в России 1920 г. был совсем иным, нежели французский пролетарий того же времени. В связи с этим эпизодом Суварин вспоминает и другие в том же роде. Так, на первом этаже «Люкса» Суварин иногда просматривал французские газеты, которые он получал из Франции. Секретарши, машинистки, переводчицы окружали его и с интересом заглядывали в эти газеты. Разнообразие заголовков, фотографии, все то, что сильно контрастировало с серостью и монотонностью «Правды» и «Известий» той поры, очень привлекало их. В Париже проходила забастовка швей, о чем свидетельствовали фото на первых страницах, в частности, большой снимок, на котором была запечатлена шеренга молодых работниц, стоящих вдоль тротуара на улице де ла Пэ, смеющихся, довольных тем, что их снимки появятся в завтрашней газете. Толпившиеся вокруг Суварина девушки недоумевали: «Кто это? — Бастующие парижские работницы. — Это работницы? Вы смеетесь, товарищ Суварин. За кого вы нас принимаете. — Я вас уверяю. Хор женских голосов: Но это дамы. Суварин: Это швей, модистки, работницы. В конце концов, они поверили и разошлись с мечтательным видом»²³.

Отнюдь не сразу Суварин, молодой, исполненный революционного энтузиазма коммунист, чьи знания хоть и были глубоки, но оставались книжными и чья жизнь в Москве вначале проходила лишь между Кремлем и отелем «Люкс», смог проникнуть в суть той реальности, которая скрывалась за лживой, но убедительной фразеологией. Однако 6 февраля 1924 г. он пишет Зиновьеву: «Есть факты, которые я считаю недопустимыми как для Партии, так и для советской жизни в целом»²⁴. 4 апреля того же года на собрании коммунистической партии федерации Сены он открыто заявляет: «Есть какая-то гниль и в Партии, и в Интернационале»²⁵. По всей видимости, нечто подобное чувствовал не только Суварин. По признанию его соратницы по Коминтерну Анжелики Балабановой, к которой он относился с чрезвычайным уважением, решение покинуть Коминтерн и Советскую Россию было связано с тем, что дальнейшая деятельность там неминуемо вовлекла бы ее в «пучину» демагогии и сделала бы ее «соучастницей лжи» по отношению к ее зарубежным товарищам²⁶.

В июне 1924 г. Суварин был исключен из Коммунистического Интернационала за свои оппозиционные идеи, за выступления в защиту Троцкого против нападок Сталина и Зиновьева. Формально он был исключен на год, но больше он никогда не пытался восстановить свое членство ни в Коминтерне, ни во французской компартии. Собственно, с этой поры и началось, если можно так выразиться, «официальное» диссидентство Суварина.

Выйдя из Коминтерна, Суварин не покинул Москву. Он устроился работать в Госиздат, куда его взял Николай Мещеряков, попросив написать предисловие к двум романам Пьера Ампа, которого Суварин очень ценил. Книга эта вышла²⁷. Предложение Мещерякова, схожесть их литературных вкусов позволили Суварину написать, что «в 1924 г. в Москве еще сохранялись следы цивилизации»²⁸. Когда Суварин уже работал в Госиздате, произошел еще один эпизод, говорящий о том, что он все же принадлежал другому миру и постичь Москву ему было непросто:

однажды он услышал резкий электрический звонок, и все сотрудники мгновенно побросали свои кабинеты и рабочие места и бросились на улицу. Суварин спросил у пробежавшего мимо Фурманова, что случилось. Тот ответил: «Демонстрация» — «По какому поводу?» — «Не знаю», — сказал Фурманов обреченно. Суварин стоял на краю тротуара и смотрел на проходящие мимо колонны демонстрантов, распевавших «Варшавянку» и направлявшихся к Красной площади. Он не мог к ним присоединиться, так как вырос в стране, где манифестанты знают, зачем участвуют в демонстрации²⁹.

И все же Суварин не хотел покидать Москву. Постыжение России, которым он увлекся еще в юности в Париже, здесь, несмотря на все тяготы и удушающую атмосферу лжи, представлялось ему притягательным. Только тогда, когда тучи стали сгущаться, и все друзья Суварина понимали, что его свобода, а может быть, и жизнь висят на волоске, он с большим трудом выехал во Францию. Почти четыре года личного знакомства с СССР закончатся такими его словами: «Через три дня после прощания с Москвой... я, наконец, вздохнул свободным парижским воздухом»³⁰. Однако это не было прощанием с его призванием. Через много лет он скажет, что «тогда его открытия только начинались, и только начиналось его посвящение в советологию»³¹.

Свои неоконченные воспоминания с говорящим названием «Покойный Коминтерн» (*Feu le Comintern*) Суварин предваряет несколькими эпиграфами. Это строки из Монтескье, Александра Герцена, Виктора Гюго, Анжелики Балабановой и Огюста Детефа, которые по-разному проводят мысль о том, что в течение краткого периода времени может произойти кардинальная переоценка ценностей³². По сути, Суварин-историк обращается к важной в методологическом отношении проблеме — исторической памяти. Здесь вступает в силу процесс апперцепции — осмысление сохранившегося в памяти, усложнение понятий и дальнейшая интерпретация первоначальных впечатлений и оценок, т. е. то, что М. Хайдеггер обозначил как «мыслящее знание». Осмысливать — «стоять внутри того, в чем все деяния и все действительное этой эпохи... имеют свое время и свое пространство, свое основание и свои подосновы, свои пути и цели, свой порядок и свою легитимацию, свою достоверность и необеспеченность — одним словом: свою «истину»»³³. Понимая это как открытие нового смысла и вместе с тем как давно забытое старое, Хайдеггер тем не менее критикует «осовременивающее восприятие прошлого» как искажение истории на основе новых понятий. Очевидно, этот подход нельзя не учитывать, когда речь идет об оценках событий прошлого, которые дает Суварин, испытавший «кардинальную переоценку ценностей».

«Первый разочаровавшийся в коммунизме» — таков подзаголовок книги «Борис Суварин», принадлежащей перу Ж.-Л. Паннэ, крупнейшего знатока биографии и творчества Суварина. Данная формулировка, с нашей точки зрения, нуждается в уточнении. Борис Суварин не был антикоммунистом. «Самый последовательный антисталинист XX столетия», «один из лучших знатоков советской истории», Суварин оставался верен некой социалистической идее, возможно, жоресовского толка и, посвятив всего себя разоблачению тоталитарного режима, установившегося в СССР, сам, возможно, не до конца избавился от иллюзий. Так, выступая против тоталитарного государства, против сталинского режима, он оставался приверженцем

Ленина. Ему он посвятил несколько статей, в частности «Что осталось от Ленина?»³⁴ (1939 г.), и на склоне лет вступил в полемику с Солженицыным по поводу «Ленина в Цюрихе» (1976 г.)³⁵. В журнале *Critique sociale*, который Суварин издавал с 1930 по 1935 г., он призывал изучать марксизм и возвращать аутентичную марксистскую идею на место извращенной идеи, которую насаждали сталинские функционеры. В феврале 1930 г. он напишет: «Коммунизм возродится, но на новом витке современной истории, с новым поколением и вопреки коррупционному влиянию большевизма»³⁶. Солженицын в своем ответе на суваринскую критику «Ленина в Цюрихе» яростно обрушился на Суварина с такими словами: «С авторитетом почти участника событий — теперь, когда всем известен их жуткий кровавый смысл! — Вы снова пытаетесь внедрить в читателя примитивную большевицкую трактовку Октября — что “Ленин просто взял власть с помощью хороших солдат” петроградского гарнизона (опереточной боеспособности). Вы почти не можете скрыть Вашего восхищения этим великим Злодеем»³⁷. Оставим в стороне вопрос, был ли Ленин злодеем. Нам кажется, что в этой инвективе Солженицына кроется признание права Суварина на исторические оценки. Суварин действительно был участником событий и видел эти события и их фигурантов изнутри. Сам он в тексте своих воспоминаний о Пьере Паскале писал: «Необходимо перенестись духом в условия той эпохи, чтобы понять, насколько убедительным был этот язык для читателей нашего возраста и нашего типа. Нельзя ничего понять в поведении одних и других, тогда и в наше время, не принимая во внимание кардинальных изменений, происшедших с той поры, как с фактами, так и со смыслом слов»³⁸.

Другими словами, Суварин выражал принцип историографии, провозглашенный еще Мишле и развитый впоследствии школой Анналов. Исходя из этого принципа, главным историческим документом является человеческое свидетельство и главным объектом изучения истории — человек. Этот принцип исторической антропологии привлекал Суварина и в подходе Пьера Паскаля. Паскаль писал: «Холодный анализ материальных условий, исторический материализм, лежащий в основе философии и политически научного социализма, не должен заставить русских марксистов забыть, что конечная цель — это всегда человек, человек в обществе, но тем не менее человек»³⁹. Известный французский историк Софи Керэ в своем предисловии к книге «Пьер Паскаль. Россия между христианством и коммунизмом», ссылаясь на приведенное выше высказывание Суварина, пишет, что к этому высказыванию стоит прислушаться не только как к словам друга и свидетеля, но как к словам историка, который предостерегает биографов от штампов и ярлыков⁴⁰. Михаил Геллер также признает за Сувариним преимущество историка-свидетеля. Он пишет: «Борис Суварин, историк по призванию и по профессии, никогда не отказывался, что было бы смешным, от исследования прошлого более молодыми поколениями. Но он всегда подчеркивал, что те, кто его не пережили, видят прошлое другими глазами. Величие Пелопонесской войны проистекает не только от того, что Фукидид был гениальным историком, но и от того, что он был очевидцем и участником войны между Афинами и Спартой»⁴¹. История XX в. знает немало примеров, когда «свидетели истории», не будучи профессионалами, писали ее. Здесь можно говорить о таком феномене, как «историки современности», какими были, например, А. Шлезингер для США или

А. И. Деникин для России, чей труд «Очерки русской смуты» является не только источником по истории революции 1917 г. и Гражданской войны в России, но и в значительной степени историческим (историко-мемуарным) исследованием. Это свойство присуще и наследию Б. Суварина. Говоря же об историческом методе Суварина, нужно заметить, что, посвятив всего себя анализу тоталитаризма как историк и борьбе с ним как публицист, он не допускал тоталитарного подхода и к историческому мышлению, всегда подчеркивая необходимость проявления гибкости в отношении исторических оценок.

¹ Статья опубликована при поддержке РГНФ. Проект № 15-24-08001ам.

² *Souvarine B.* Staline, aperçu historique du bolchévisme. Plon, 1935.

³ «Яркий свет с Востока» — название XIX тома (*Cette grande lueur à l'est*, 1941) из 27-томного цикла Ж. Ромэна «Люди доброй воли» (*Les hommes de bonne volonté*, 1932–1946), в котором речь идет о путешествии героев повествования в СССР в 1922 г.

⁴ *Guiheneuf R.*: 1) *Ce qu'est devenue la Révolution russe / préface de Pierre Pascal.* Paris: Librairie du travail, 1936; 2) *L'URSS telle qu'elle est / préface d'André Gide.* Paris: Gallimard, 1938.

⁵ *Беньямин В.* Сюрреализм. Моментальный снимок нынешней европейской интеллигенции // НЛЮ (Новое литературное обозрение). 2004. № 68. URL: <http://magazines.russ.ru/nlo/2004/68/ben1.htm> (дата обращения: 12.03.2016).

⁶ *Souvarine B.* La Commune maximaliste // *Ce qu'il faut dire.* No 78, 1917. 17 novembre. Цит. по: *Les Vies de Boris Souvarine // Critique sociale.* 2008. 14 octobre. URL: http://www.critique-sociale.info/67/les-vies-de-boris-souvarine/#_ftnref32 (дата обращения: 22.04.2016).

⁷ *Souvarine B.* Sur Lénine, Trotski et Staline / préface de Michel Heller. Paris: Editions Allia, 1990. P. 8–9.

⁸ Марсель Боди (*Marcel Body*, 1893–1983) — французский типографский рабочий, активист коммунистического движения, советский переводчик и дипломат, член Коминтерна. В конце 1920-х гг. покинул французскую коммунистическую партию.

⁹ *Body M.* Un Ouvrier limousin au cœur de la révolution russe. Paris: Spartacus, 1986. P. 213–214.

¹⁰ *Серж В.* От революции к тоталитаризму: воспоминания революционера. Оренбург; М.: Изд-во «Оренбургская книга» НПЦ «Праксиз», 2001. С. 174.

¹¹ Архив Б. Суварина в библиотеке *La Souvarine (Institut d'Histoire Sociale)*, Nanterre, France.

¹² Фернан Лорио (*Fernand Lorient*, 1870–1930) — один из лидеров левого крыла Французской социалистической партии. Один из инициаторов раскола соцпартии и образования коммунистической партии Франции. Член Президиума III Конгресса Коминтерна. Позднее вышел из компартии и основал политическую группу «Против течения» (*Contre Courant*).

¹³ *Souvarine B.* Feu le Comintern. Paris: Le Passager Clandestin, 2015. P. 54.

¹⁴ *Ibid.* P. 60.

¹⁵ *Ibid.* P. 61.

¹⁶ *Ibid.* P. 62.

¹⁷ *Ibid.* P. 62, 63.

¹⁸ *Ibid.* P. 63.

¹⁹ *Ibid.* P. 64.

²⁰ *Ibid.* P. 58.

²¹ *Ibid.* P. 60.

²² *Корчинский А. В.* Историческая семантика (История понятий) // Теория и методология исторической науки: терминологический словарь. М.: Аквилон, ИВИ РАН, 2016.

²³ *Souvarine B.* Feu le Comintern. P. 60.

²⁴ Цит. по: *Panné J.-L.* Boris Souvarine. Paris: Laffont, 1993. P. 137.

- ²⁵ Цит. по: Ibid. P. 142.
- ²⁶ Фрагмент письма А. Балабановой к А. Дюнуа приведен по: *Panné J.-L.* Boris Souvarine. Paris, 1993. P. 99.
- ²⁷ *Амп П. (Анри Бурийон)*. Больная промышленность / пер. с фр. А. Альтовского, предисл. Б. Суварина. М.: Гос. изд-во, 1925. URL: <http://search.rsl.ru/ru/record/01008060287> (дата обращения: 08.02.2016).
- ²⁸ *Souvarine B.* Feu le Comintern. P. 66.
- ²⁹ Ibid. P. 68.
- ³⁰ *Суварин Б.* Пьер Паскаль и Сфинкс // *Континент*. 1982. № 34. С. 206.
- ³¹ *Souvarine B.* Feu le Comintern. P. 68.
- ³² Ibid. P. 23.
- ³³ *Хайдеггер М.* Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: статьи и выступления / пер. с нем. М.: Республика, 1993. С. 68.
- ³⁴ *Souvarine B.* Que reste-t-il de Lénine? // *Le Figaro littéraire*. 1939. 21 janvier.
- ³⁵ *Souvarine B.* Controverse avec Soljenitsyne. Paris: Allia, 1990.
- ³⁶ Цит. по: Les Vies de Boris Souvarine // *Critique sociale*. 2008. 14 octobre. URL: http://www.critique-sociale.info/67/les-vies-de-boris-souvarine/#_ftnref32 (дата обращения: 27.05.2016).
- ³⁷ *Солженцын А.* Письмо Борису Суварину. URL: <http://xwap.me/books/19259/Pismo-Boristu-Suvarinu.html?p=2> (дата обращения: 27.05.2016).
- ³⁸ *Суварин Б.* Пьер Паскаль и Сфинкс. С. 188.
- ³⁹ Цит. по: Там же.
- ⁴⁰ *Cœuré S.* Pierre Pascal, la Russie entre christianisme et communisme. Paris: Les Editions Noir sur Blanc, 2014. P. 13.
- ⁴¹ *Heller M.* Précédé de La Controverse sur Lénine, la révolution et l'histoire. URL: <http://www.editions-allia.com/fr/livre/204/controverse-avec-soljenitsyne> (дата обращения: 29.05.2016).

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ

Тайманова Т. С. Борис Суварин в Москве: посвящение в советологию // *Новейшая история России*. 2017. № 1 (18). С. 51–61.
УДК 101.9(091)

Аннотация: Статья посвящена воспоминаниям французского политического деятеля, одного из создателей и лидеров *Section Française de l'Internationale Communiste* — французской секции Коммунистического Интернационала, историка и публициста Бориса Суварина (1895–1984). Воспоминания повествуют о первом знакомстве Суварина с Советским Союзом, куда в 1921 г. молодой французский коммунист приехал в качестве делегата III Конгресса Коминтерна и где он прожил около трех лет. С этого момента начинается формирование Суварина как резкого и последовательного критика большевистского режима, как историка-советолога. Наследие Суварина обширно, однако большая часть его работ, написанных на французском языке, до сих пор не переведена и остается недоступной русскому читателю. В статье приводятся некоторые факты, касающиеся встреч Суварина и ряда французских коммунистов с В. И. Лениным, его наблюдения за жизнью сотрудников Коминтерна. Также рассматриваются особенности исторического метода Суварина, в частности, право историка давать оценку событиям, свидетелем которых он был и в отношении которых произошла кардинальная «переоценка ценностей». В воспоминаниях Суварина особую ценность представляет сочетание пристального взгляда свидетеля события (здесь и сейчас) и отстраненность мемуариста-историка, способного оценить событие в ретроспективе как «чужой». В связи с этим затрагивается такая методологическая проблема, как «осовременивающее восприятие прошлого», что нельзя не учитывать, когда речь идет о тех оценках, которые дает Суварин, в значительной мере пересмотревший собственные взгляды на события, участником и наблюдателем которых он был.

Ключевые слова: Борис Суварин, советология, Россия, 1920–1930-е, тоталитаризм.

Сведения об авторе: *Тайманова Т. С.* — доктор филологических наук, профессор, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия); t.taimanova@spbu.ru

FOR CITATION

Taimanova T. S. Boris Souvarine in Moscow: Introduction to Sovietology, *Modern History of Russia*, no. 1, 2017, pp. 51–61.

Abstract: The article is devoted to the memoirs of the French politician, one of the founders and leaders of the SFIC — French Section of the Communist International, historian and publicist Boris Souvarine (1895–1984). Souvarine memoirs tell us about his first meeting with the Soviet Union in 1921, when a young French Communist came as a delegate of the III Comintern Congress and stayed for about three years. From this moment began the formation of Souvarine as a sharp and consistent critic of the Bolshevik regime and as a historian–sovietologist. The literary heritage of Souvarine is vast, but most part of his works, written in French, has not yet been translated and remains inaccessible to Russian readers. The article gives some facts about meetings of Souvarine and other French Communists with V. I. Lenin and his observations on the lives of Comintern employees. The article also discusses the features of Souvarine’s historical method, in particular, the right of the historian to assess the events he had witnessed. According to this method Souvarine himself made a cardinal “reevaluation of values”. The feature of Souvarine’s memoirs consists in a combination of a description of the events both as an eyewitness and as a historian able to assess these events in retrospect.

Keywords: Boris Souvarine, sovietology, Russia, 1920–1930s, totalitarianism.

Author: Taimanova T. S. — Doctor of Philology, Professor, St. Petersburg State University (St. Petersburg, Russia); t.taimanova@spbu.ru

References:

- Amp P. *Bolnaya promyshlennost*, Transl. A. Altovskiy, Intr. B. Souvarin (Moscow, 1925).
- Benjamin W. ‘Syurrealizm. Momentalnyy snimok nyneshney evropeyskoy intelligentsii’, *Novoye literaturnoye obozreniye*, no. 68, 2004.
- Body M. *Un Ouvrier limousin au cœur de la révolution russe* (Paris, 1986).
- Cœuré S. *Pierre Pascal, la Russie entre christianisme et communisme* (Paris, 2014).
- Guiheneuf R. *Ce qu’est devenue la Révolution russe*, Préface de Pierre Pascal (Paris, 1936).
- Guiheneuf R. *L’URSS telle qu’elle est*, Préface d’André Gide (Paris, 1938).
- Heidegger M. ‘Yevropeyskiy nihilizm’, *Heidegger M. Vremya i bytiye: statyi i vystupleniya* (Moscow, 1993).
- Heller M. Précédé de La Controverse sur Lénine, la révolution et l’histoire. Available at: <http://www.editions-allia.com/fr/livre/204/controverse-avec-soljenitsyne> (accessed: 29.05.2016).
- Korchinskiy A. V. ‘Istoricheskaya semantika (Istoriya ponyatiy)’ *Teoriya i metodologiya istoricheskoy nauki. Terminologicheskii slovar* (Moscow, 2016).
- ‘Les Vies de Boris Souvarine’, *Critique sociale*, 2008, 14 October.
- Panné J.-L. *Boris Souvarine* (Paris, 1993).
- Serzh V. *Ot revolyutsii k totalitarizmu: vospominaniya revolyutsionera* (Orenburg; Moscow, 2001).
- Solzhenicyn A. *Pismo Borisu Suvarinu*. Available at: <http://xwap.me/books/19259/Pismo-Boristu-Suvarinu.html?p=2> (accessed: 27.05.2016).
- Souvarine B. ‘Que reste-t-il de Lénine ?’, *Le Figaro littéraire*, 1939, 21 janvier
- Souvarine B. ‘La Commune maximaliste’, *Ce qu’il faut dire*, no. 78, 1917, 17 November.
- Souvarine B. ‘Pierre Paskal i Sfinks’, *Kontinent*, no. 34, 1982.
- Souvarine B. *Feu le Comintern* (Paris, 2015).
- Souvarine B. *Controverse avec Soljenitsyne* (Paris, 1990).
- Souvarine B. *Staline, aperçu historique du bolchévisme* (Plon, 1935).
- Souvarine B. *Sur Lénine, Trotski et Staline*, Préface de Michel Heller (Paris, 1990).